

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

«ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР» В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

© 2011 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 22.06.2010

Исследуются художественные параллели между произведениями Б.Л. Пастернака и Ф.М. Достоевского. Отмечается общность во взглядах великого инквизитора у Достоевского и Антипова (Стрельникова) у Пастернака. Анализируется ситуация исповеди в романах обоих писателей. Рассматриваются взгляды авторов на христианство и их художественное воплощение.

Ключевые слова: свобода, рационализм, революция, великий инквизитор, христианство.

Исследователи творчества Б.Л. Пастернака отмечают, что в «Докторе Живаго» автор сам провоцирует читателя и исследователя на сопоставление этого произведения с романами Ф.М. Достоевского, прямо упоминая этого писателя на страницах книги и говоря о его традициях в литературном наследии другого художника [1; 2]. Б.Л. Пастернак, как и многие писатели XX века, испытывал определённое влияние Ф.М. Достоевского: в этом столетии, как пишет О. Седакова, «вся мировая литература явственно ощущает себя в последостоевском времени» [3]. Во время работы над романом Б.Л. Пастернак в письмах упоминал Достоевского, объясняя свой творческий замысел. Например, в письме к О.М. Фрейденберг от 13 октября 1946 года он говорил о печальном и подробно разработанном сюжете в духе Диккенса и Достоевского [4, с. 128]. Исследователи видят, например, в изображении внутренней жизни Лары художественную параллель образу Настасьи Филипповны в «Идиоте» [3], а в переживаниях Антипова – сходство с эмоциональным состоянием Трусоцкого и Вельчанинова в «Вечном муже» [2]. На наш взгляд, образ Антипова (Стрельникова) представляет интерес не только с психологической, но и с философской точки зрения.

Роман «Доктор Живаго» генерирует в себе многие аспекты авторского мировоззрения, многие события и стороны жизни России первой трети XX века. Одной из главных тем этого произведения становится судьба интеллигенции в эпоху революции. Октябрьские события по-

рождают тот вихрь, который изменяет не только внешнюю канву жизни Юрия Андреевича Живаго, ставшую основой «событийного» сюжета романа, но и внутреннее состояние, мировоззрение главного героя, то есть то, что составляет сюжет «психологический». По мнению Д.Л. Быкова, книга Пастернака «написана не о людях и событиях, а о тех силах, которые управляли и людьми, и событиями, и им самим» [5, с. 485]. С этой точки зрения революция не просто фон изображаемого в произведении, а всеобъемлющий образ, определяющий многое и в проблематике, и в поэтике романа Б.Л. Пастернака. Фигура Павла Антипова, в свою очередь, является художественным воплощением одного из ликов революции, а трагедия этого героя – один из аспектов трагедии революции. В эволюции взглядов Антипова (Стрельникова) заключена логика действий и причина духовной драмы революционной интеллигенции. А отношение Юрия Живаго к этим взглядам отражает авторскую позицию, поскольку роман «Доктор Живаго», по выражению Д.С. Лихачёва, имеет «автодушевный» характер: «Поэт пишет о себе... раскрывает свое духовное «я» через реальные события и обстоятельства <...> В третьем лице, но именно о себе» [6, с. 170]. Таким образом, философия Павла Антипова и его судьба играют исключительно важную роль в раскрытии пастернаковской концепции революции.

В философско-этическом аспекте мировоззрение Антипова (Стрельникова) имеет много общего с идеологией одного из героев

Ф.М. Достоевского – **великого инквизитора**. Образы эти вряд ли сопоставимы по своему масштабу и силе художественного воздействия, но во взглядах героев на этические проблемы, на смысл мировой истории, на пути к достижению всеобщего счастья есть точки соприкосновения.

Начнём с того, что оба героя воплощают в себе **власть, построенную на авторитарном начале и насилии**. Великий инквизитор показан как грозный правитель, одному только жесту которого все готовы повиноваться, авторитет его непоколебим, перед ним трепещет всё население государства: «И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается <...> Толпа моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли перед старцем инквизитором» [7, с. 227]. Если же находится тот, кто в чём-либо противится его власти и сформированной им идеологии, такой человек обречён на клеймо еретика и гибель.

Антипов (Стрельников) – это тоже своего рода «великий инквизитор». Везде, где он появляется, его имя произносят с содроганием. Его власть неоспорима, ей можно только подчиниться, иначе – гибель, казнь. Пример тому – судьба двух селений у железнодорожной станции, которую проезжают Живаго по пути в Юрятин. Станционное здание, дома в деревне – всё разрушено и обуглено. Закономерно складывается такое впечатление, что причиной несчастья стал пожар, но начальник станции это опровергает:

– ...дело похуже пожара будет <...> Лучше не вникать.

– Неужели Стрельников? <...> В чём же вы провинились?

– Да не мы. Дорога сбоку припёку. Соседи. Нам заодно досталось <...>

– А те что?

– Да без малого семь смертных грехов. Разогнали у себя комитет бедноты, это вам раз; воспротивились декрету о поставке лошадей в Красную армию <...> это два; и не подчинились приказу о мобилизации, это – три, как видите [8, с. 266].

Знаменательно начало этого диалога. Когда начальник станции говорит, что произошло нечто страшнее стихийного бедствия (то есть это сознательное дело рук человека), а затем намекает, что разбираться в этом и вести лишние разговоры опасно, то из этих двух посылок второй собеседник делает безошибочный вывод, что здесь поработала артиллерия бронепоезда

под командованием Стрельникова. Фактически это карательный отряд, который добивается полного и беспрекословного подчинения населения советской власти и без колебаний использует насильственные методы. Причём масштабы насилия, пожалуй, даже более впечатляющи, чем у великого инквизитора: уничтожается не только конкретно тот, кто не подчинялся приказам, но и вообще всё население деревни, а заодно и соседнего селения.

Когда описывается движение бронепоезда Стрельникова, то автор второй раз использует сравнение с природной стихией: «...стремительно разрастаясь, накатил оглушительный шум, перекрывший грохот водопада» [8, с. 276]. Перед нами воплощение всей мощи государственной машины и системы насилия, которая «похуже пожара» и оглушительнее водопада. Не случайно о Стрельникове говорят: «Насчёт контры это зверь» [8, с. 276], не случайно «молва дала ему прозвище Расстрельникова» [8, с. 294].

Способы действий героев Достоевского и Пастернака вполне соотносимы, но гораздо важнее *мотивы* этих действий, и в них тоже есть существенное сходство. Великого инквизитора часто представляют тираном, который ни перед чем не остановится ради абсолютной власти. Первым, кто бросил ему такое обвинение, был Алёша Карамазов, который, впрочем, говорил не столько лично о великом инквизиторе, сколько вообще о «худших из католичества», и Иван был прав, когда возразил: «Почему среди них не может случиться ни одного страдальца, мучимого великой скорбью и любящего человечество?» [7, с. 238]. Иван как раз доказывает, что великим инквизитором движет искреннее желание устроить судьбы людей, которые слишком ничтожны и неразумны, их необходимо спасать от них же самих. Автор «поэмы» о великом инквизиторе прямо объясняет мотивы действий своего героя, который когда-то сам стремился идти путём христианской правды, но впоследствии увидел, что «невеликое нравственное блаженство достигнуть совершенства воли с тем, чтобы в то же время убедиться, что миллионы остальных существ божиих остались устроенными лишь в насмешку» [7, с. 238]. По убеждению великого инквизитора, христианский путь станет спасением лишь для немногих сильных духом людей, а обычные – слабые – останутся «за бортом» этого счастья, порождённого нравственным совершенством и служением высокой истине, которое под силу далеко не всем. Инквизитор же стремится дать счастье и успокоение именно *всем*. Для этого он

и создаёт государство, в котором осуществляет идея «насильственного счастья». «Высокие дары свободы, истины, нравственного подвига – все это отстраняется, как тягостное, как излишнее для человека; и зовется одно: **какое-нибудь** счастье, **какой-нибудь** отдых для «жалкого бунтовщика», и все-таки измученного, все-таки болящего существа, сострадание к которому заглушает все остальное в его [инквизитора – О.С.] сердце, всякий порыв к божескому и всечеловеческому» [9, с. 111–112].

В романе «Доктор Живаго» Б. Пастернак излагает мотивы действий Стрельникова его же собственными устами. В эпизоде встречи этого героя с Живаго в Варыкине эта тема развёрнута достаточно подробно. Стрельников горячо и убеждённо говорит о социальной несправедливости, царившей в «старом мире» (используем блоковское выражение). Эмоциональность его речи призвана подчеркнуть, насколько его задевало такое устройство общества, при котором кругом «грязь, теснота, нищета, поругание человека в труженике, поругание женщины, <...> безнаказанная наглость разврата, <...> олимпийство тунеядцев» [8, с. 536]. Действительно, в мотивации линии поведения героев Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака много общего, хотя есть и *различие*. Если великий инквизитор «мучим великой скорбью» о человечестве в целом, то у Стрельникова к этому примешивается ещё и глубоко личный мотив – это касается его *любви к Ларе*. Первотолчком для неприятия несправедливого и жестокого общества для Павла Павловича становится острейшее переживание перипетий её судьбы: «Все темы времени, все его слёзы и обиды, все его побуждения, вся его накопленная месть и гордость были написаны на её лице <...> Обвинение веку можно было вынести от её имени, её устами» [8, с. 537–538]. Не случайно Стрельников отмечает, что он и такие люди, как он (герой говорит «мы»), всё делали именно ради тех, кого любили, и имеет в виду не всё человечество, а вполне конкретных его представителей, в частности Лару. И всё-таки, говоря о себе во множественном числе, он обобщает картину – тема расширяется, а история Лары приобретает характер отдельного примера всеобщих страданий.

Стрельников, как и великий инквизитор, чувствует глубокую несправедливость самих основ социума, в котором множество людей обречено на страдания, хотя сам он вроде бы не относится к обездоленным: его жизнь после окончания университета складывалась внешне благополучно, он вполне мог бы «вписаться» в существующий мир и найти в нём достойное

место. Точно так же великий инквизитор вполне мог «достигнуть совершенства воли», необходимого, чтобы идти путём моральной чистоты и служения высшей истине, он по своему внутреннему потенциалу был способен «восполнить число» настоящих христиан, как и собирался сначала. Но на определённом этапе своей жизни оба героя делают резкий поворот: «возвращают билетик» в лучшее будущее. И при этом оба руководствуются соображениями высокими: стремятся достичь счастья для большинства людей, для слабых и униженных, «многочисленных, как песок морской». И тот, и другой начинают видеть некий иной, чем ранее, путь, который представляется им безошибочным ответом на все вопросы. Для великого инквизитора это советы «могучего и умного духа», отвергнутые когда-то Христом. Для Стрельникова это марксистская философия и революция: «Явился марксизм. Он усмотрел, в чём корень зла, где средство исцеления» [8, с. 537]. В обоих случаях мы имеем дело с некой *рациональной схемой*, в которую для героев укладывается вся жизнь как таковая, *весь смысл мировой истории*, как говорит великий инквизитор. Не принимая мира таким, каким он создан, со всем его злом, герои Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака ставят перед собой задачу **перестроить этот мир** на совсем иных основах, чем ранее. Великий инквизитор хочет ни больше ни меньше – «исправить подвиг» Сына Божьего, который, по его мнению, не даёт счастья большинству людей. Стрельников «принимает жизнь как военный поход» против прежних несправедливых принципов. Вооружённые лишь собственным – «эвклидовским», по выражению Ивана Карамазова, – разумом, эти герои абсолютно уверены, что им точно известно, в чём состоит счастье всех людей, «многочисленных, как песок морской», и они намерены «железной рукой» привести человечество к этому счастью.

Каково *отношение авторов* произведений к такой позиции героев?

В «Легенде о великом инквизиторе» сплетаются в сложном взаимодействии взгляды инквизитора, Пленника, автора «поэмы» – Ивана – и автора романа в целом – Достоевского. Великий инквизитор субъективно уверен в своей правоте, он выстраивает очень логичное рассуждение, и за ним стоит Иван Карамазов, который, как и его герой, не приемлет «мира божьего». В монологе великого инквизитора – та рациональная схема, которую Иван хотел бы противопоставить христианству, и её правильность он горячо доказывает Алёше. Однако Достоевский «опрокидывает» эти логические по-

строения Ивана одним высказыванием его брата: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» [7, с. 237]. *Стараясь доказать безошибочность логики инквизитора, Иван фактически доказал её ущербность*: «счастливое» общество настолько напоминает бездушную казарму, что лишь убеждает в необходимости свободы. Не случайно Достоевский ещё в «Записках из подполья» писал, что в безупречном «хрустальном дворце» рационально выстроенного будущего найдётся-таки человек, который захочет «столкнуть <...> всё это благополучие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к чёрту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить» [10, с. 113]. Однако если «поэма» произвела именно такое впечатление на первого своего слушателя, то, по всей видимости, и с позицией её автора (Ивана) не всё так однозначно: в его душе происходит внутренняя борьба между противоположными началами, и «Легенда» становится выражением этого конфликта. Не случайно он и своему герою – великому инквизитору – не позволяет до конца соблюсти его же собственную логическую схему. Приняв решение казнить Пленника (а по логике это единственный возможный для кардинала выход), герой всё же отпускает Его: «натура» вступает в противоречие с идеей, иррациональное торжествует над рациональным. Воплотив живое противоречие «натуры» и идеи в образах великого инквизитора и Ивана, Достоевский убедительно показывает, что в человеке далеко не всё объяснимо и мотивировано разумом, что **при столкновении с живым началом человеческой души «логарифмы» терпят поражение**. В этом к автору «*Братьев Карамазовых*» близок автор «*Доктора Живаго*».

В романе Б.Л. Пастернака не раз выражается мысль о том, что рационально выстроенные идеи приносят лишь вред, когда человек пытается уложить жизнь в их прокрустово ложе. Стрельников, по словам автора, «мыслит незаурядно, ясно и правильно» [8, с. 295], без колебаний принимает необходимость «крови по совести»; даже когда в народе его называют Расстрельниковым, он не боится осуждения, поскольку убеждён, что действует именно «по совести». Живаго при первой встрече отмечает в нём беспепелляционное осознание собственной правоты. Никакие жертвы, никакие «моря крови» не могут остановить Стрельникова и породить в нём сомнение: его жизненная философия логична и правильна, как прямая линия. Недаром автор, повествуя о судьбе героя, отмечает такую деталь: хотя по специальности он гума-

нитарий, преподаватель латинского языка и древней истории, но его увлечением становится *математика*, и он самостоятельно изучает её в университетском объёме. В этом сказывается внутренний склад личности – стремление к точным и логичным, рационально выверенным решениям, к «*логарифмам*», как сказал бы «подпольный человек» Ф.М. Достоевского. Найдя для себя такую рациональную схему жизни в марксистской трактовке истории, в учении В.И. Ленина, Стрельников отдаёт все силы тому, чтобы под этот «логарифм» подогнать весь окружающий мир, перестроив его законы на новый, рациональный лад. Если же на его пути встречаются те, кто не согласен с его правдой, он искренне считает это «дурью» (если сказать по-другому – неразумностью, иррациональностью), которую, к сожалению, необходимо «выбивать силой» [8, с. 292]. «На вопрос: что делать? – получается ясный и определённый ответ: убивать всех противников будущего идеального строя» [11, с. 66]. Эти слова можно отнести как к великому инквизитору, так и к Стрельникову. И в этом Павел Павлович в свою эпоху не одинок. Правда, Юрий Андреевич в разговоре с Ларой высказал мнение, что политический союз Антипова (Стрельникова) с большевиками случаен, так как он слишком нетипичная фигура. Но потом в беседе с доктором сам Антипов скажет, что для него весь марксизм и вообще вся новая – принимаемая им – система идей персонифицируется в Ленине, так что большевизм Стрельникова, скорее, закономерен. Хотя в романе и сказано, что он не состоит в партии, но стремление насильственным способом перестроить общество в соответствии со своей рационалистической «системой идей» объединяет его с большевиками и даже шире – с революционерами. Да и Живаго говорит о революционерах вообще: «Построение миров <...> – это их самоцель» [8, с. 348]. Главный герой уверен, что эта деятельность антитетична непосредственной, естественной жизни: «...явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны! Так зачем подменять её ребяческой арлекинадой незрелых выдумок?» [8, с. 348]. Но жизнь как таковая, как она сложилась сама по себе, – такая жизнь не устраивала Антипова, и эту мысль выразила Лара, когда сказала, что он «разобиделся на что-то такое в жизни, на что не обижаются. Он стал дуться на ход событий, на историю» [8, с. 472]. Его попытка построить историю по новой, рационально выверенной схеме привела к тому, что он разрушил свою жизнь и сломал судьбу своей семьи, стал палачом Расстрельниковым. В конечном итоге его

предают и преследуют бывшие сподвижники, и единственное, что ещё дорого ему и хоть как-то оживляет его душу, – это воспоминания о семье, о любви, о той самой непосредственной жизни, от которой он бежал когда-то. Действительность подтвердила слова Лары о том, что «глупая амбиция» – обида на жизнь, на историю и желание её изменить в соответствии с собственными представлениями – ведёт Антипова к верной гибели. Как видим, в *противостоянии естественного хода жизни и рационалистических построений Б.Л. Пастернак на стороне первого, как и Ф.М. Достоевский.*

И Ф.М. Достоевский, и Б.Л. Пастернак показывают, как *желание осчастливить человечество приводит их героев к антиморальным действиям.* Противоречие между **гуманной целью и антигуманными средствами** с неизбежностью порождает нравственные страдания. Оба героя вынуждены подавлять в себе христианские чувства, которые тем не менее ещё существуют в их душах. Великий инквизитор, например, сотнями сжигает еретиков и всерьёз намеревается казнить Пленника, но в конечном итоге не в силах это сделать. Стрельников уничтожает целые деревни артиллерийским огнём с бронепоезда, но сочувствует взятому в плен раненому мальчику-гимназисту, приказывает выделить ему паёк и «подать медицинскую помощь». Великий инквизитор, намереваясь устроить счастливую жизнь для большинства людей, вынужден жертвовать «инакомыслящими» – еретиками, взгляды которых опасны для налаженной социальной системы. Стрельников, стремясь к лучшему будущему для всего народа, вынужден уничтожать часть этого же народа – бунтующих против советской власти. Более того, при взятии Юрятина он без колебаний приказывает обстреливать город, хотя знает, что там – его семья, которую он искренне любит. «Коренное зло истории заключается в неправильном соотношении в ней между целью и средствами: человеческая личность, признанная только средством, бросается к подножию возводимого здания цивилизации» [12, С. 99]. Осознавая всё это, герои «Легенды» и «Доктора Живаго» тем не менее считают, что *«моральный расход не превысит дохода»* [13, с. 33]. Поэтому, даже храня в душе гуманные чувства, и великий инквизитор, и Павел Антипов (Стрельников) в конечном итоге «остаются в прежней идее» [7, с. 239]. О них обоих можно сказать, что они представляют собой «законченное явление воли» [8, с. 291], и эта воля заглушает эмоции, заставляет преодолевать моральные страдания. Герои Достоевского и Пастернака

сознательно стремятся к такому будущему, в котором «все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла» [7, с. 236]. Это в определённом смысле можно назвать самопожертвованием, что и даёт возможность воспринимать обоих героев не просто как нравственных преступников, но как фигуры **трагические**. Не случайно инквизитор назван великим и написана о нём именно «поэма», не случайно также Стрельников производит не отталкивающее, а благоприятное впечатление на Юрия Андреевича Живаго говорит: «Он должен был бы меня оттолкнуть. Мы проезжали места его расправ и разрушений. Я ждал встретить карателя солдафона или революционного маниака душителя, и не нашёл ни того, ни другого», он отмечает, что Стрельников даже чем-то привлекает к себе [8, с. 347]. Вспомним, что и великий инквизитор тронул сердце Пленника, который поцеловал его в финале «поэмы».

Существует сходство и в **художественных способах воплощения** взглядов персонажей в произведениях Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака. В «Братьях Карамазовых» и в «Докторе Живаго» перед нами разворачивается *«исповедь горячего сердца»*. В романе Ф.М. Достоевского исповедуется не только Дмитрий (к нему, собственно, и отнесены фактически слова «исповедь горячего сердца»), но и Иван (в главе «Бунт»), и великий инквизитор (в «Легенде о великом инквизиторе»). В «Докторе Живаго» Павел Антипов тоже практически исповедуется перед Юрием Живаго.

У Достоевского «русские мальчики» Иван и Алёша сошлись, чтобы говорить о мировых проблемах, о «переделке всего человечества по новому штату» [7, с. 213]. Вспомним, что Пастернак собирался назвать роман «Мальчики и девочки», считая своих героев, таких, как Живаго или Антипов, повзрослевшими «хорошими мальчиками». И эти «мальчики» рассуждают, по сути, о глобальных проблемах того же характера, что и герои Достоевского, во всяком случае, они тоже обращаются к проблеме «переделки всего человечества по новому штату». О том же и монолог-исповедь великого инквизитора. Вернее, во всех трёх случаях мы имеем дело с *диалогами*. Иван с Алёшей и Антипов с Живаго в прямом смысле обмениваются репликами, а «Легенда о великом инквизиторе» формально представляет собой монолог, однако он внутренне диалогичен: Пленник молчит, но его позицию, по сути, выражает сам инквизитор, который так горячо спорит с ним.

В «Легенде о великом инквизиторе» герой произносит свою исповедь перед Пленником, даже не зная точно, кто перед ним: Христос, или «подобие его», или просто фантом, возникший в разгорячённом сознании самого кардинала. Иван комментирует эту ситуацию так: в данном случае совершенно неважно, кому герой адресует свою речь, потому что ему самому это безразлично, им движет лишь *желание выговориться*, высказать наконец всё то, что он так долго скрывал от окружающих, хотя в душе глубоко переживал. Практически такую же ситуацию художественно воссоздаёт Б. Пастернак в эпизоде встречи Павла Антипова и Юрия Живаго в Варыкине. Павел Павлович «не мог наговориться и всеми силами цеплялся за беседу с доктором, чтобы избежать одиночества. Боялся ли он угрызений совести или печальных воспоминаний, преследовавших его, или его томило недовольство собой...» [8, с. 533]. Говоря о революции и о своей деятельности, он не ожидает ответа от собеседника, точно так же как великий инквизитор. Последний даже предупреждает возможную реплику Пленника: «Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь» [7, с. 228]. У Пастернака же, когда доктор вступает в разговор, то Стрельников не обращает внимания на его слова: «Может быть, он даже не расслышал, что собеседник прервал его монолог собственной вставкой» [8, с. 534]. Стоит отметить, что автор говорит о монологе, хотя формально происходит диалог. У Достоевского в этом отношении ситуация обратная: по форме – монолог, а по сути – диалог. Но и в том, и в другом случае «исповедующийся» герой *сосредоточен на собственных мыслях и переживаниях*.

Есть сходство между произведениями Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака и в **соотношении элементов образной системы**. Это связано с выражением точки зрения того и другого автора на христианство. Б.Л. Пастернак писал о глубочайшем философском содержании своего романа: «**Моё христианство**», он говорил, что в этом произведении «сводит счёты» с любыми оттенками антихристианства [4, с. 128]. В принципе, то же самое мог бы сказать о романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский. При этом оба писателя в системах образов своих произведений ставят рядом таких героев, один из которых *воплощает в себе христианское мировоззрение*, а другой в чём-либо (или даже во многом, а может быть, и в основном) *противостоит христианскому взгляду на мир*. У Ф.М. Достоевского две пары подобных персонажей: Алёша и Иван, а также Пленник и великий инквизитор. У

Б.Л. Пастернака – прежде всего Юрий Живаго и Павел Антипов (Стрельников).

Алёша Карамазов для Достоевского олицетворяет собой подлинное христианство: «В нём мы уже предчувствуем нравственного реформатора, учителя и пророка <...> Если бы мы захотели искать к нему аналогии, мы нашли бы её не в литературе, но в живописи нашей. Это – фигура Иисуса в известной картине Иванова: также далёкая, но уже идущая. Пока незаметная среди других, ближе стоящих лиц, и, однако, уже центральная и господствующая над ними» [12, с. 79]. Иван же – человек, в сердце которого происходит борьба добра и зла, христианства и антихристианства, но, во всяком случае, та логика, которую он выстраивает в главе «Бунт» и в своей «поэме», ведёт именно к антихристианству.

Пленник в «поэме» Ивана – явленный миру Христос или же тот, кого инквизитор принимает за Христа или воображает себе в качестве Сына Божьего, – в любом случае именно с Ним ассоциируется христианская система ценностей. А великий инквизитор прямо признаёт в своей исповеди, что он не с Богом, а с «могучим и умным духом». Хотя нужно признать, что цель его – счастье людей – по своей сути вполне согласуется с христианскими заповедями, но путь он избирает антихристианский.

Б.Л. Пастернак воплотил «своё христианство» в образах Николая Николаевича Веденяпина, Серафимы Тунцевой и Юрия Живаго: «Юрий Живаго – олицетворение русского христианства», – считает Д.Л. Быков, автор биографической книги о Б.Л. Пастернаке [5, с. 485]. Правда, далеко не все признают главного героя романа олицетворением христианских ценностей. Например, В. Гроссман в письме С. Липкину от 28.03.58 г. писал: «Как далека от христианства эта пастернаковская проповедь. Христианство лишь средство утверждения его особенной, талантливой, живаговской личности. Какая нищета таланта, равнодушного ко всему на свете, кроме самого себя, который не горюет о людях, не восхищается ими, не жалеет их, не любит их, а любит лишь себя, восхищен «самосозерцанием духа своего». Худо нашей литературе!» [14, с. 271]. Тем не менее Д.Л. Быков прав в том, что по замыслу Пастернака Живаго есть христианин. Стрельников же человек не просто не религиозный (в общепринятом смысле трёх упомянутых выше героев Пастернака тоже не назовёшь религиозными), но вообще живущий вне сферы таких понятий, как «Бог», «вера». Правда, его революционный фанатизм в чём-то сродни религиозному чувству, но по своей сути это весьма далеко от христианства. А методы его борьбы за луч-

шее будущее являют собой, безусловно, антихристианское начало. Как писал Н.А. Бердяев, «революционный социализм <...> претендует быть религией, он есть вера, противоположная вере христианской» [15, с. 267].

Взгляды Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака на христианство, конечно, не во всём совпадают, но один существенный сходный момент обращает на себя внимание: оба писателя связывают христианство со **свободой**, а одно из проявлений антихристианства видят в **насильственном перестраивании** жизни по **рационалистической** схеме.

Алёша Карамазов – истинный христианин Достоевского – не приемлет в «поэме» Ивана многое, в том числе рассуждения о губительности свободы. Он говорит, что свобода с точки зрения христианской толкуется совсем не так, как её представляет у Ивана великий инквизитор. Этот момент в романе Ф.М. Достоевского поясняет С.Л. Франк: «Свобода становится плодотворной <...> лишь тогда, когда человека воспламеняет любовь, то есть непосредственная любовь к Богу, как абсолютно прочному началу, красота которого «пленяет и прельщает» человека» [16, с. 249]. Попытку сконструировать рационально продуманный и антихристианский по своей сути «социальный проект» Алёша не случайно оценивает как «хвалу Иисусу, а не хулу», получившуюся независимо от субъективных намерений автора «поэмы». Ведь, по мнению Алёши, монолог великого инквизитора лишь «от противного» доказывает правоту Христа и необходимость духовной свободы для того, чтобы человек оставался человеком в истинном смысле этого слова.

Иван, бунтующий против «мира божьего», противопоставляет законам этого мира стройную систему взглядов великого инквизитора – систему, которая сложилась в сознании самого автора «поэмы» и которую он передоверил своему герою. Сложность образа Ивана в том, что все эти его рассуждения не исключают внутреннего стремления к вере и к Богу – отсюда и трагические метания этого героя (вспомним, что автором он задумывался именно как мечущийся из крайности в крайность человек: то атеист, то верующий). Причём христианское начало идёт от «натуры» этого героя (недаром Алёша надеется, что в душе Ивана победит Бог), а антихристианское – от рационалистической логики, рассматривающей жизнь с точки зрения «эвклидовского» разума, ограниченного логикой «логарифмов», не наделённого многомерностью восприятия жизни. И по этой логике жизнь есть «материал», который нужно трансформировать в соответствии с идеей.

Великий инквизитор в романе Ф.М. Достоевского бросает Пленнику упрёк в том, что Он не захотел поработить дух человеческий с помощью чуда, тайны и авторитета, так как хотел от человека *свободной веры*. Сам же кардинал, видя в свободе источник страданий человечества, считает необходимым «взять» у людей свободу и взамен дать им благополучие. Полагая, что обычные люди не в силах сами устроить свои судьбы, он берёт эту миссию на себя и насильственно организует жизнь общества по тем принципам, которые ему самому представляются единственно разумными. Герой перестраивает мир в соответствии с той схемой, которая подсказана была когда-то «могучим и умным духом». Заметим, что великий инквизитор, именуя этими словами злую силу, прямо связывает её с *рационалистическим* началом.

У Пастернака Н.Н. Веденяпин, воплощающий в себе «свободное нецерковное вероисповедание», а вслед за ним и Юрий Живаго ценят свободу духа и непосредственную жизнь как естественный и свободный процесс, в который человек не должен вмешиваться. По мнению Живаго, *нельзя перестраивать мир и тем самым поработать жизнь, подменять её «выдумками»*, как уже говорилось выше. С точки зрения автора, это **глубоко христианская** позиция. В написанной ранее Пастернаком «Повести» один из героев характеризуется таким образом: «Христос Христом, сама пассивность». Христианское начало писатель связывает с пассивностью в том смысле, что вера предполагает убеждённость в мудрости Творца и поэтому исключает борьбу с естественным ходом жизни, вмешательство в него человеческого самонадеянного разума. Отсюда – и «безволие» Живаго. Нельзя не согласиться с утверждением Д.Л. Быкова: «Участвовать в конструировании собственной биографии – для Пастернака значит вторгаться в Замысел <...> Безволие есть лишь невмешательство в высшую волю» [5, с. 65–66]. Тот же Д.Л. Быков отмечает: «Пастернак всего лишь ставил себе задачу написать об очень хорошем человеке как он его понимал; и доказать, что очень хороший человек – как раз и есть самый честный последователь Христа в мире. Потому что жертвенности и щедрости, и покорности судьбе, и неучастия в убийствах и грабежах – вполне достаточно, чтобы считать себя христианином» [5, с. 491]. «*Неучастие* в убийствах» и «*покорность* судьбе» – важные аспекты жизненной позиции Живаго, тогда как позиция Стрельникова этому абсолютно противоположна. Его неприятие «старого мира», его искреннее стремление **насильственно** сделать

мир лучше и столь же искренняя убежденность в том, что он **точно знает**, как этого достичь, – всё это в конечном счёте означает **антихристианство** (с позиций Пастернака), так как ведёт как раз к *непокорности* судьбе и к *участию* в убийствах.

Итак, в романе Б.Л. Пастернака можно отметить переключки с идеями Ф.М. Достоевского, скорее, не на уровне сюжетного построения, как задумывал вначале автор (об этом речь идёт в письме к О. Фрейденберг от 13.11.1946 [4, с. 128]), а на уровне философско-этической проблематики, связанной с некоторыми общими для обоих писателей взглядами на христианство, на попытки рационально «переделывать» жизнь, на смысл мировой истории.

Список литературы

1. Туниманов В.А. Достоевский, Б.Л. Пастернак и В.Т. Шаламов: скрещение судеб, поэтических мотивов, метафор // Туниманов В.А. Ф.М. Достоевский и русские писатели XX века. СПб.: Наука, 2004. С. 272–321.
2. Буров С.Г. «Вечный муж» Ф.М. Достоевского в «Докторе Живаго» Б.Л. Пастернака. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bibnout.ru/?p=4446>. (Дата обращения: 19.11.2010)
3. Седакова О. «Неудавшаяся епифания»: два христианских романа – «Идиот» и «Доктор Живаго». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2002/112/sedak.html> (Дата обращения: 17.11.2010)
4. Из переписки Б. Пастернака // С разных точек зрения. «Доктор Живаго» Б. Пастернака: Сб. ст. / Сост. Л.В. Бахнов, Л.Б. Воронин. М.: Советский писатель, 1990. С. 5–165.
5. Быков Д.Л. Борис Пастернак. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2007. 602 с.
6. Лихачёв Д.С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // С разных точек зрения. «Доктор Живаго» Бориса Пастернака: Сб. ст. / Сост. Л.В. Бахнов, Л.Б. Воронин. М.: Советский писатель, 1990. С. 170–183.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 тт. Т. 14. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1976. 512 с.
8. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Советская Россия, 1989. 640 с.
9. Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. 607 с.
10. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 тт. Т. 5. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1973. С. 99–180.
11. Соловьёв В.С. Из речей в память Достоевского // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие: Сб. ст. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 57–73.
12. Розанов В.В. О легенде «Великий инквизитор» // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие: Сб. ст. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 73–184.
13. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 6–65.
14. Переписка В. Гроссмана с С. Липкиным // Вопросы литературы. 1997. № 1–2.
15. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины: Сб. ст. М.: Правда, 1991. С. 250–290.
16. Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие: Сб. ст. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 243–251.

«THE GREAT INQUISITOR» IN B.L. PASTERNAK'S NOVEL «DOCTOR ZHIVAGO»

O.S. Sukhikh

The article explores artistic parallels between B.L. Pasternak's and F.M. Dostoevsky's novels. The author underscores the similarity of views between F.M. Dostoevsky's Great Inquisitor and Pasternak's Antipov (Sterelnikov). The author provides an analysis of the peculiarities of confession in the novels and considers writers' attitude towards Christianity and its artistic embodiment.

Keywords: freedom, rationalism, revolution, the Great Inquisitor, Christianity.